

Овидий Горчаков

ОН ЖЕ КАПРАЛ ВУДСТОК

КОЛЛЕКЦИЯ
Военных
Приключений



Коллекция военных приключений

Овидий Горчаков

Он же капрал Вудсток

«ВЕЧЕ»

1974

Горчаков О. А.

Он же капрал Вудсток / О. А. Горчаков — «ВЕЧЕ»,
1974 — (Коллекция военных приключений)

ISBN 978-5-4444-9143-0

Овидий Александрович Горчаков (1924–2000) в годы Великой Отечественной войны был партизаном-разведчиком, минером-подрывником, прошел по тылам врага от Брянских лесов до Германии. Его приключенческая повесть «Он же капрал Вудсток» рассказывает о работе советского разведчика в тылу врага в годы Великой Отечественной войны. В основу некоторых боевых эпизодов положены действительные события, участником которых был сам автор.

ISBN 978-5-4444-9143-0

© Горчаков О. А., 1974

© ВЕЧЕ, 1974

Содержание

Часть первая	6
2. По приказу Гимmlера	10
3. Разговор с Гитлером	14
4. Скорпион жалит самого себя	19
5. Полет Икара	23
6. Из записей Старшого	29
7. Железный крест за собственный «мессер»	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Овидий Александрович Горчаков

Он же капрал Вудсток

© Горчаков О.А., наследники, 2015

© ООО «Издательство „Вече“», 2015

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2015

Часть первая

1. Взрыв над «братской могилой»

Это случилось во время смены часовых на посту, и потому-то потайной люк землянки был открыт и все в «братской могиле» сразу услышали внезапно возникший гул. Несколькоими секундами раньше никто не обратил особого внимания на этот отдаленный вибрирующий гул. Ведь немецкие и советские самолеты нередко пролетали над лесом. Но на этот раз гул нарастал, рокоча, так стремительно, словно на лес, включив для устрашения сирены, пикировал «юнкерс». И не просто на лес, а прямо на землянку. И не один «юнкерс», а сразу несколько, сразу целое звено или даже эскадрилья.

Странно растягивается время, когда летит на тебя бомба или снаряд. С замиранием сердца отмечаешь уже не секунды, а миллисекунды, и чем ближе к роковому взрыву, тем медленнее тянется время. Время как бы останавливается, замирает, как замирает и сердце.

Все стихло вокруг: говор, шорох осыпающегося песка в землянке, вздохи ветра в соснах. А гул нарастал, переходил в органнй гром, распадался на грохочущую дробь сотен и тысяч барабанов. Евгений Кульчицкий невольно съезжился, прочно уверовав в эти леденящие кровь мгновения, что землянка вот-вот взлетит на воздух и все в ней превратится в прах, и она впрямь станет «братской могилой».

Взрыв сильнее тысячи ударов грома был так оглушителен, что его не услышали разведчики, хотя у них едва не лопнули в ушах барабанные перепонки. Землянка заходила как при землетрясении. Евгений видел, как толстые сосновые жерди прогнулись будто ивовые прутья.

С минуту оглушенные разведчики неподвижно сидели или стояли, согнувшись, в абсолютной тишине. Потом Евгений – глаза его успели привыкнуть к полумраку в подземелье – увидел, как шевелятся губы у Константа, и сквозь звон в ушах услышал:

– Что это? Что это?

Округлившись глаза командира разведгруппы «Феликс» тускло блестели. Евгений впервые видел друга без его обычного панциря невозмутимости. А на самого Евгения уже нахлынула, как всегда в первые минуты после избавления от грозной опасности, пьянящая, окрыляющая радость.

– «Но пока что пуля мимо пролетела, – пропел он слова популярнейшей среди разведчиков его части песни, – но пока что подступ смерти отдален...»

– Ничего себе «пуля»! – тряским голосом проговорил Олег.

– Что это? – опять спросил Констант.

Тут заговорили все разом:

– Огромный снаряд?

– Подбитый бомбардировщик свалился и взорвался со всеми бомбами рядом с землянкой!

– Я уж думал, конец света...

– Может, многотонная бомба?...

Но Констант уже принял решение.

– Пойдем узнаем. Петрович и Пупок, останетесь с радисткой. Пошли!

Евгений выкарабкался из «братской могилы» вслед за командиром и остановился, пораженный. Невдалеке над лесом вырос невероятно высокий столб дыма и серой пыли. Шапка его медленно расплывалась в чисто-голубом небе, и оттого облако становилось похожим на исполинский гриб. У подножия этого гриба самые высокие сосны казались ниже травы.

– Сроду не видал ничего похожего! – в изумлении пробормотал Констант.

Поглядывая на «гриб» над лесом, разведчики почти бегом направились к месту взрыва, скользя меж сосен неслышным шагом бывалых партизан-лесовиков. Впереди с автоматом наготове шел Константин Домбровский. Движения его мускулистого, гибкого тела были легки и мягки, как у рыси. Через час ходу разведчики добрались до места.

Посреди сосняка кратером курилась огромная воронка, метров десять в глубину и диаметром почти полсотни метров. Вокруг же простиралась усыпанная землей, дерном и песком широкая прогалина. Взрыв испепелил ближайшие сосенки, снес под корень деревья подальше, далеко окрест расшвырял их, воздушной волной сорвал с отдаленных сосен всю хвою, навалил высокие горы бурелома у границ образованного взрывом пустыря. За завалами деревья легли огромным веером в сторону от взрыва.

– Ух ты! – только и выговорил Димка Попов.

– Может быть, шаровая молния? – вполголоса проговорил Домбровский, потирая кулаком слезящиеся от дыма глаза.

– Постой! – вдруг звонко хлопнул себя ладонью по бедру Евгений. – А вдруг это то самое «чудо-оружие» Гитлера, его «оружие возмездия»?!

Домбровский быстро взглянул исподлобья на своего заместителя.

– «Фау-1»? «Фау-2»? Зачем же немцам выстреливать ракеты в этот лес?

– Возможно, они начали обстрел освобожденных городов Восточной Польши, – все больше веря в свою догадку, ответил Евгений Кульчицкий. – Или уже бомбардируют ракетами наши города?! А это промах или недолет?

Домбровский молча оглядел кратер, стоя в своей излюбленной позе – ноги расставлены, автомат ППШ висит на груди, левая рука на кошке, правая – на шейке приклада.

– А может, это экспериментальный запуск? – продолжал фантазировать Евгений, стоя рядом в той же позе.

– Может, скажешь, что Гитлер решил своим «чудо-оружием» по нашей землянке шарахнуть? – недоверчиво усмехнулся Димка Попов.

– Не исключено, – медленно, не слушая Димку, продолжал Домбровский, – что имеется связь между выселением поляков с подлесных хуторов и гестаповским запретом ходить в этот лес.

– Конечно! Факт! – азартно подхватил Евгений, радуясь поддержке своей догадки. – Может быть, немцы сделали наш лес вовсе и не заповедником, а... полигоном!

Домбровский заметил, что дно кратера на глазах заплывало водой. Час-два, и громадная воронка чуть не до краев наполнится подпочвенными водами – местность низменная...

– Дима! Олег! – восторженно вскрикнул он. – Ведите наблюдение – не пожаловали бы гости! Остальным искать в воронке и вокруг воронки осколки этой бомбы, снаряда, ракеты, метеорита, – приказал Домбровский. – Мы должны выяснить, что это такое. За дело, ребята!

Минут через пять Олег обнаружил метрах в десяти от воронки синий кусочек листовой стали размером с пятак. Еще через три минуты Константин Домбровский поднял с опаленной взрывом земли кусок алюминиевой трубки не длиннее мундштука, тоже синего цвета. Димка нашел короткий обрывок пучка закоптелых разноцветных проводов...

– Видишь, Костя, – волновался Евгений, подбегая к Домбровскому с рваным куском синего дюрала в руках, – значит, не метеорит, не снаряд и вряд ли бомба... Смотри, ясно видна клепка!

– Тихо! – вдруг поднял руку, вскинув голову, Домбровский.

Над лесом послышался вибрирующий гул мотора. Он становился все громче, нарастая с севера.

– Скорее в лес! – почти крикнул Домбровский, срываясь с места. Разведчики едва успели продраться сквозь завал и укрыться под сосенками, как над прогалиной появился низко,

почти на бреющем полете летевший самолет. Домбровский сразу определил его марку: «физелер-шторх», разведчик-наблюдатель.

– Ложись! – скомандовал он.

Самолет не спеша сделал несколько кругов над кратером и над прогалиной, над которой уже почти рассеялся дым. Он летел так низко, что разведчики ясно видели лица летчика и наблюдателя. Дмитрию Попову показалось даже, что сквозь плексигласовый иллюминатор он увидел у наблюдателя расшитый золотом воротник генеральского мундира. Неожиданно для разведчиков, облюбовав сверху ближайшую пятидесятиметровую, хорошо расчищенную просеку, самолет пошел на посадку.

Попов привстал и, задохнувшись от жаркого волнения, проговорил:

– Костя! Давай захватим их в плен! По-моему, один из них генерал!

Соблазн, конечно, был велик. Генерал не генерал, но уж, наверное, он знает, что за штука взорвалась в этом лесу!

Но в лесу возник вдруг многоголосый гул автомобильных моторов. И так, гости пожаловали. Необходимо познакомиться с ними поближе. Домбровский выдвинулся с разведчиками почти к краю просеки. Вскоре они увидели целый кортеж автомашин: «опели», штабные «мерседесы», две бронемшины. Номера машин армейские, люфтваффе и СС. На некоторых машинах красовался желтый слон – эмблема химических войск вермахта. Два мотоциклиста-автоматчика в голове автоколонны остановились у самолета. Из кабины самолета вылез пилот. Он помог спуститься на землю единственному пассажиру «шторха».

– Генерал и есть! – тихо застонал Попов, ясно увидев теперь в разрезе комбинезона с блестящей «молнией» вышитые золотой вязью дубовые листья и прочие арабески на стоячем воротнике.

Генерал подошел к поблескивающему черным лаком восьмицилиндровому «хорьху» с генеральским флажком на обтекаемом крыле и с желтой фарой. Из автомобиля вышел другой генерал – разведчики ясно увидели красные отвороты шинели и лампы на брюках. Генералов окружила толпа офицеров с общевойсковыми, артиллерийскими и инженерными погонами. Минуты через две-три вся эта толпа с генералами впереди направилась к месту взрыва, оставив у машин водителей и часть автоматчиков-мотоциклистов в черной кожаной форме НСКК – Национал-социалистского моторизованного корпуса.

Слышно было, как кто-то крикнул по-немецки из толпы:

– Обер-лейтенант Рюктешел, к генерал-майору!

Домбровский не спеша пополз за немцами, махнув рукой разведчикам: «За мной!» Потом он повернулся к Олегу:

– Запиши номера машин и прикрывай нас с тыла! Мы будем наблюдать за немцами вон из-за того завала.

Немцы минут десять копошились вокруг этой воронки, спускались в нее, что-то измеряли металлическими метрами, обшаривали каждую пядь взрыхленной земли, фотографировали воронку «лейками». Кульчицкий вдруг схватил Домбровского за руку.

– Кажется, заметили наши следы! – прошептал он.

– Я ж говорил... – начал было раздраженно Константин, но тут же поправился: – Ничего, почти все наши – в немецких сапогах, в советских – никого.

На всякий случай Константин решил отвести группу в лес.

– Женья! – сказал он Кульчицкому. – Мы возвращаемся в «братскую могилу». Подежурь здесь с Олегом, может, узнаешь, что за взрыв, зачем приехали гансы! Только без фокусов!

Но ничего нового Евгению и Олегу не удалось узнать. Немцы уехали через полчаса. Евгений долго смотрел машинам вслед, пока они не скрылись за соснами.

– Черт возьми! – сказал он тихо Олегу. – Если бы могли за ними последовать, мы бы узнали, откуда они кидают эти хлопушки!

– Позвать такси? – съязвил Олег, снимая автомат с боевого взвода.
Они пошли обратно к «братской могиле».

По дороге Димка Попов нашел оглушенного зайца. Потом они узнали, что таких зайцев и кабанов жители близлежащих хуторов собирали десятками. Кстати, почти во всех деревнях от взрывной волны вылетели стекла.

Евгений шел задумавшись, машинально глядя по сторонам. Что взорвали немцы в Бялоблотском лесу? Ракету? Бомбу? Как разведчикам узнать об этом? Может быть, этот взрыв не последний? А что, если такая ракета или бомба упадет поближе к землянке? Если это «фау», то разведгруппе «Феликс» придется бросить все силы на разгадку тайны этого нового оружия Гитлера.

Вечером следующего дня радистка Константа каштановолосая красавица Вера связалась с Центром. Директор ответил почти немедленно.

«Впредь до особого распоряжения группе „Феликс“ продолжать разведку гитлеровской обороны в районе реки Варты и военной промышленности Вартегау и Верхней Силезии. Директор».

2. По приказу Гиммлера

Это была последняя военная осень. Последняя осень в тылу врага. Последняя осень Третьего рейха. В эту последнюю осень немцы спиливали облетевшие березки для могильных крестов в лесах между Вислой и Саном, а подневольные поляки рыли окопы посреди несжатой ржи и картофельных грядок, выбрасывая лопатами подзолистую, песчаную и глинистую почву Польши на брустверы траншей и противотанковых эскарпов. Это была осень, когда из черных щупалец свастики выпали Таллин и Брюссель.

Разведчики группы «Феликс» попали в провинцию Вартеланд уже осенью, и потому им невольно казалось, что в краю этом всегда мглисто, ненастно и слякотно, по ночам замерзают руки и ноги, и пасмурные леса и поля тронуты ржавчиной увядания. Казалось, что всегда оцепеневался он, этот хмурый, чужой край, колючей проволокой и надолбами, скалил свои «драконовы зубы» и мрачно смотрел на чужаков черными амбразами могучих железобетонных дотов. Казалось, всегда здесь неохотно светило солнце, в мертвых борах дули свирепые сквозняки, за толстыми каменными стенами и забранными решетками окнами таились бауэры с дробовиками...

Первое, что бросилось разведчикам в глаза, это отсутствие в провинции Вартеланд партизан. Польское генерал-губернаторство кишело ими, а тут, на восточных землях рейха, царила «кладбищенская тишина».

Около недели ушло у разведгруппы «Феликс» на строительство потайной землянки в Бялоблотском лесу. Лопаты и топоры взяли у батрака Юзефа Османского, люто ненавидевшего швабов. Лес добывали буквально с бору по сосенке, ночью в разных урочищах, не трогая нумерованные деревья в этом культурном сосновом лесу. И все же старый лесничий немец Меллер почти сразу же установил, что в его лесу творится нечто неладное: кто-то занимался незаконной порубкой в самых глухих уголках леса, кто-то – не зверь, а человек, – проложил новые тропы в лесу, явно держась в стороне от больших дорог и просек. Кто бы это мог быть? Поляки? Им вход в лес давно запрещен. Неужели...

Старик немец решил выследить таинственных лесовиков. И выследил. В дальнем квартале – жердиннике – увидел при свете луны двух парней, рубивших сосенку. Они были одеты в гражданское, но вооружены не только топорами, но и автоматами. Меллера бросило в жар, а потом в холод. Он хотел было незаметно ускользнуть, вернуться в свою лесничевку, но в этот момент что-то жесткое ткнуло его в бок.

– Тихо! – негромко произнес Константин. – Мне не хотелось бы стрелять. Ночь тиха и хороша, как в рождественском гимне.

Лесничий упал на колени.

– Пощадите меня! Я ни в чем не виноват перед вами. Я несчастный человек. У меня погиб на фронте единственный сын... Я докажу вам, докажу, что я знал, что вы здесь, и никому, никому не сказал ни слова...

Это заявление, понятно, заинтересовало Константа. Лесничий повел его в свой дом, стоявший на запущенном старинном тракте посреди леса. В маленькой конторе с оленьими рогами на стене он показал Константу при свете «летучей мыши» свой толстый грессбук.

– Вот здесь, видите, и здесь я начал регистрировать незаконную порубку... число, месяц, кварталы, в которых обнаружена порубка, тип дерева... И все зачеркнул!.. Я не настоящий немец, я фольксдойче, родился и жил среди поляков в Польше на Волыни, потом сюда всех нас переселили. Только в сороковом году меня сделали рейхсдойче... У меня жена – полька... Спросите любого поляка в этих местах: я никогда не был зверем, выполнял лишь свой долг... Я давно уже, когда погиб под Смоленском мой сын, понял, что немцы проиграли войну, и стал другом поляков, за ничтожное вознаграждение отдавал им дрова...

Констант бегло просмотрел карту Бялоблотского леса и прилегающих лесных участков, входивших в лесничество Меллера.

– Ну смотри, Меллер, – сказал Констант, подумав, – если выдашь, если обманешь, мы найдем тебя под развалинами гитлеровской Германии, куда бы ты ни забрался!

Кончилось тем, что лесничий клятвенно пообещал не выдавать разведчиков и оказывать им всяческую помощь. И слово свое старик сдержал. Он исправно опускал в «почтовый ящик» – дупло в дереве недалеко от землянки разведчиков – записку, предупреждающую группу о готовившейся новой охоте немцев на кабанов в Бялоблотском лесу.

Чаше других охотились офицеры из крупнейшего эсэсовского учебного центра в Трескау, в пятнадцати километрах от Позена. Загонщиками на охоте служили поляки и местные фольксдойче. Во время «полувань» – охоты Османские, отец и сын, не раз уводили охотников за кабаном подальше от того квартала, в котором прятались в своем подземелье разведчики... Но это не всегда удавалось, мешали местные фольксдойче, и тогда разведчикам приходилось сидеть без часового, буквально ниже травы, тише воды, а эсэсовцы проходили и пробегали в охотничьем азарте по крыше землянки, и сверху сыпался струйками песок, и в душном, спертном воздухе землянки, поморгав, гасла «летучая мышь». Тогда-то и сравнил Пупок землянку разведчиков с братской могилой. По три дня, бывало, ничего не ели, выпотрошив сухарное крошево пополам с табаком из уголков вещмешков.

Но особенно туго приходилось группе, когда немцы устраивали очередное прочесывание леса. Эта операция напоминала игру в кошки-мышки. И немцы никогда не настигали разведчиков только потому, что командир группы «Феликс» ввел одно новое правило в эту игру.

Тщательно изучая повадки врага, Констант Домбровский за приметил за эсэсовцами и за служащими вермахта весьма интересную особенность: неукоснительное следование уставу и всякого рода пунктам положений, даже вопреки здравому смыслу.

Так, однажды эсэсовцы «прищучили» его группу в районе Шнайдемюля. Была светлая лунная ночь, немцы шли за разведчиками по пятам и вдруг, как по команде, остановились, отстали, дали разведчикам уйти. Наутро, внимательно повторив весь ночной путь по карте, Констант с изумлением увидел, что эсэсовцы отстали как раз на границе двух имперских провинций – Померании и Вартеганда. Как убедились разведчики, немцы вовсе не намеревались нарушать границу провинций, каждая из которых находилась в ведении почти совершенно обособленных ведомств – полиции и СС, подчиненных РСХА в Берлине.

– Черт их знает, – заявил Констант, – может, это у них осталось от тех времен, когда вся Германия была похожа на сшитое из разноцветных кусков одеяло – вся состояла из множества королевств, герцогств и княжеств-лилипутов.

Позднее, когда эсэсовцы из Трескау пытались уничтожить группу «Феликс» в Бялоблотском лесу, Констант затеял с ними нехитрую игру, каждый раз удирая из Вартеганда за границу сопредельной Верхней Силезии. Офицеры СД из Позена, столицы провинции Вартеганд, неизменно заканчивали погоню на этой границе, а штурмбаннфюрер СС Отто Вехтер, шеф зихерхайтдинста в Бреслау, не торопился протянуть руку помощи своим познаньским коллегам – у самого забот полон рот. Взаимные попреки Позена и Бреслау, их постоянные апелляции к рейхсфюреру СС на Принц-Альбрехтштрассе в Берлине привели наконец к грозному приказу Гимmlера: покончить со всеми дразгами и координировать свои действия против врагов рейха, действующих в стратегически важной зоне близ границы обеих провинций, на берлинском направлении.

Вскоре разведка «Феликса» сообщила: переговоры двух высоких сторон – СД Вартегау и Верхней Силезии – начались в Бреслау.

Констант организовал наблюдение за большим мрачным зданием на Музеумштрассе в Бреслау. Его люди незаметно фотографировали всех достойных внимания офицеров и штатских лиц, входивших и выходивших из охраняемого эсэсовцами подъезда. Они видели, как в

ворота здания по ночам въезжали крытые фургоны с номерами СС, набитые арестованными шахтерами из Силезского угольного бассейна, слышали крики, доносившиеся из огромных подвалов и камер пыток на третьем этаже.

После очередного тура переговоров офицеры СД едут отдохнуть на Швайдништрассе. Это очень устраивает людей Константа: в ресторане «Танненхофе» есть свой человек, поляк официант, которому удалось выправить документы фольксдойче. Случается, он обслуживает самого герра Вехтера, шефа СД. А к нему, бывает, подсаживается армейский контрразведчик полковник Лош, начальник Абверштелле-Бреслау. Так, несколько слов, брошенных оберстом из абвера, привели к тому, что Константин организовал на подступах к Бялоблотскому лесу круглосуточное дежурство с целью обнаружения автофургонов оперативной группы радиопеленгации, которую оберст собирался послать к лесу одновременно с направлением такой же группы из Познани...

«Слухачи» СД и пеленгаторы функабвера в Позене и Бреслау уже давно запеленговали рации в Бялоблотском лесу. У наших разведчиков тогда, увы, не было передатчиков, работающих на ультракоротких волнах, которые не отталкиваются от ионизированного «хэвисайдова слоя», а распространяются по прямой и потому на месте их зарождения не детектируются. В журналах и картотеках многих пунктов пеленгации и подслушивания функабвера занесены подробнейшие сведения о времени выхода в эфир радиста группы «Феликс», о точном месторасположении рации, позывных, диапазонах работы, продолжительности связи. Тщательно записаны группы пятизначных цифр неизвестного, не поддающегося разгадке шифра. Копии всех шифрограмм размножены и направлены в Берлин. Наиопытнейшие «слухачи»-фельдфебели по «почерку» радистов определили пол, национальность, примерный возраст, класс работы по количеству передаваемых и принимаемых знаков в минуту, даже основные черты характера, темперамент, настроение радиста группы «Феликс».

По сведениям Константа, Позен и Бреслау теперь готовили совместную большую облаву на «русских и польских шпионов, свивших себе гнезда в Бялоблотском лесу...».

В таких-то условиях разведгруппе «Феликс» удалось сделать немалое дело: добыть исчерпывающие данные о гитлеровской обороне в районе «ворот Берлина» – на реках Нотец и Варта. Эти данные, жизненно необходимые войскам 1-го Белорусского фронта для скорого наступления, которое взломало бы эти крепкие ворота, Константин Домбровский добыл с помощью поляков.

Как-то во время ночной встречи с польским крестьянином Юзефом Османским, помогавшим разведгруппе в сборе сведений, а в трудные дни и продуктами, Юзек пожаловался Константу:

– Наших хлопов швабы собираются завтра погнать на окопы. За отказ бросят в концлагерь в Познани. Многие ребята не хотят работать на Адольфа, думают в лесу отсидеться...

– На окопы, говоришь? Так это же замечательно, Юзек! Як бога кохам! Именно тебе и твоим товарищам и надо идти на окопы.

– ?

– Не удивляйся, Юзек. Разбросай всех надежных ребят по разным командам, а сам сделай так, чтобы ты мог раз-два в неделю навещать семью. Будешь собирать и регулярно передавать мне сведения о строительстве оборонительных рубежей.

За какую-нибудь неделю Константин и Юзек поставили это важное дело на широкую ногу. Из отрывочных сведений, полученных от поляков, мобилизованных организацией Тодта, складывалась полная картина строительства оборонительных поясов, прикрывающих путь в сердце Третьей империи... И когда гитлеровцы возвели семь оборонительных рубежей между Вислой и Одером, группе «Феликс» с помощью поляков удалось добыть исчерпывающие данные о третьем рубеже (Торунь – Пиотрков – Познань – Остров) и пятом, прикрывавшем границу «старого рейха» – довоенную государственную границу Германии. От имени Центра Директор

выразил Домбровскому благодарность и сообщил, что командование представило всех разведчиков группы «Феликс» к правительственным наградам.

На следующий день после этого радостного известия Пупок принес два экстренных сообщения из лесных «почтовых ящиков».

Первое приятное, по-польски:

«Догнали и добили раненого кабанчика. Спрятали его от немцев в дровах на большой вырубке. 002. Приятного аппетита».

«002» – это Юзек Османский. Он же Тесть.

Второе неприятное, по-немецки:

«Шеф СС и полиции Вартегау приказал в трехдневный срок провести прочесывание лесов в этом районе с одновременной ликвидацией всех банд парашютистов. Специально указывается, что парашютисты укрываются в лесу в подземных убежищах. Кроме того, рейхсфюрер СС Гиммлер приказал лесному управлению объявить Бялоблотский лес и ряд других близлежащих лесов государственным заповедником, прекратить все лесозаготовки, запретить всему населению вход в эти леса, заблокировать все дороги, ведущие к ним, выселить все фольварки в радиусе пяти километров, а также всех лесников и лесных объездчиков... Фавн». «Фавн» – это Меллер.

– Немцы затевают что-то очень серьезное, – беспокоился Константин. – Надо посоветоваться с нашими поляками – Казубским и Исаевичем. У них большие связи в Познани.

Но Богумил Исаевич, заместитель командира разведгруппы Войска Польского Казика Казубского, ничем не мог помочь своим русским друзьям.

– Да, у меня имеются свои люди – тайные бойцы Армии Людовой в аппарате гаулейтера Вартеланда Грейзера, – сказал он, придя ночью в землянку разведгруппы «Феликс». – Имеются и в штабе шефа СС, и в полиции провинции СС-группенфюрера и генерал-лейтенанта полиции Гейнца Рейнефарта. На днях я получил характеристику этого главного и непосредственного нашего противника в этом краю. Его номер в СС 56 634, юрист по образованию. После убийства Гейдриха являлся генеральным инспектором рейхспротектората Богемии и Моравии. В ноябре прошлого года сменил СС-обергруппенфюрера Вильгельма Коппе, который стал правой рукой Ганса Франка в Польском генерал-губернаторстве, на посту шефа СС и полиции в Вартегау. Рейнефарт – один из самых лютых генералов СС. За участие в подавлении варшавского восстания и зверское истребление варшавян 30 сентября этого года Гитлер наградил его «дубовыми листьями» к Рыцарскому кресту. В Варшаве он был убийцей номер два после СС-обергруппенфюрера фон дем Баха. Кстати, то, что Рейнефарт по приказу Гиммлера, приезжавшего в Познань в августе, срочно перебросил подчиненные ему части СС и полиции из Вартегау в Варшаву, помогло нам с вами продержаться здесь последние три месяца. Сообщения Меллера мои люди подтверждают полностью, но и они не всемогущие боги, доступа в сейфы Рейнефарта не имеют. Известно, что за голову каждого из нас назначена премия в десять тысяч рейхсмарок. Судя по всему, здешние гитлеровцы отлично понимают, что Красная армия скоро перейдет в новое наступление, и заранее хотят очистить от разведчиков будущий прифронтовой район. Вот они и собираются провести «гроссфандунг» – «большую облаву».

– Словом, надо быть готовыми ко всему, – сказал Константин, выслушав поручника. – Если немцы выселят Османских, всех поляков, Меллера, будем жить как робинзоны... В общем, наступают горячие денечки.

3. Разговор с Гитлером

И они наступили, эти денечки. Началась «гроссфандунг» – «большая облава». Трое суток отсиживались в землянке. Когда кончились продукты и пришлось взяться за НЗ, Константин предложил разделить концентраты по ложке на брата, плюс сухарь в сутки. Его заместитель Евгений не согласился с ним.

– Предлагаю выдать весь харч сразу. Чем раньше кончится все, тем быстрее и решительней мы что-нибудь придумаем. Безвыходных переплетов не бывает. Костя обрекает нас на голод – мы обессилеем, впадем в апатию, а потом тихо скончаемся в этой «братской могиле».

– Надо любой ценой переждать блокаду, – упорствовал Константин.

А совсем рядом с потайной землянкой, у края загайника денщики эсэсовских оберштурмфюреров и гауптманов распаковывали ранцы и чемоданчики с судками-термосами, сервировали обед из походных пластмассовых сервизов. Офицеры садились на удобные складные стулья, уплетали консервированные длинностовольные франкфуртские сосиски, гамбургские котлеты, глотали горячий чай с ромом и, рыгая, утирали жирные губы белоснежными салфетками. И затем, справив нужду, снова приступали к «гроссфандунгу».

На пятый день Домбровский вывел группу из «братской могилы» и попытался просочиться сквозь эсэсовские и жандармские цепи в другой, отдаленный лесной квартал, но не смог этого сделать. «Коронный» – то есть выпускной класс эсэсовского училища в Трескау держался стойко. Юнкера СС, вооруженные автоматическими карабинами, неплохо дрались в лесу. Из разведчиков прорвались только трое – Евгений, Димка Попов и Олег. Только они пришли на явку в условленном месте.

Темнело. В лесу слышались командирские свистки, у эсэсовцев происходила какая-то перегруппировка штурмовой группы батальона СС «Позен». Видимо, фрицы не собирались, как обычно, уходить на ночь из леса.

– Давай ударим в спину! – предложил Димка Попов, взводя автомат. – А то бегаем, как кабаны. У меня уж давно руки чешутся.

– Что толку от наших трех пукалок? – резонно возразил ему Пупок.

– Вот что, – сказал Евгений. – Выходим из лесу, расходимся в трех направлениях и поднимаем шум-гам на трех фольварках за спиной карателей. Обязательно подальше от польских хуторов. Да побольше шуму, чтобы немцы решили, что партизаны вырвались из Бялоблотского леса, и помчались бы за нами.

– Это дело, – согласился Пупок. – Айда!

– Пустое задумали, – проворчал Димка. – Лучше бы из автоматов вдарить...

– Заодно набирайте на фольварках побольше продуктов! – напутствовал Евгений товарищей, прощаясь с ними за деревней Лендек.

Сам Евгений решил навеститься в гости к одному престарелому барону, о котором он не раз слышал от Юзека Османского.

А почему бы и нет!

Обстоятельства управляют тобой или ты обстоятельствами – вот подлинное мерило настоящего разведчика.

От Османского он слышал, что барон фон Югенбург, полковник в отставке, отец двух эсэсовцев, сильно притеснял «остарбайтеров» – «восточных рабочих».

Сначала Евгений, подобравшись к большому господскому дому, расположенному в живописном парке недалеко от берега Варты и городка Бремен, хотел было оборвать телефонные провода, но потом раздумал: пригодятся – он давно собирался поговорить кое с кем по телефону... Почти полчаса потратил он, пока облюбовал окно с балконом на втором этаже, осторожно выдавил стекло и забрался в дом. В темном коридоре он услышал чье-то астматическое,

со свистом дыхание. Луч фонарика выхватил из темноты жирное бульдожье лицо с закрученными в футлярчики усами а-ля Вильгельм II. Барон был в золотисто-желтом стеганом шелковом халате и держал в дрожащих руках двустволку. За его могучей спиной грозно смотрели с полотен в золоченых рамках Фридрих II и фельдмаршал Гинденбург.

Евгений затащил тучного барона в первую попавшуюся комнату. Комната оказалась спальней барона с громадной кроватью под балдахином. На ковре лежали все двенадцать томов мемуаров Джованни Джакомо Казановы в старинном издании Брокгауза. Так вот что читал на сон грядущий престарелый барон. Евгений с удовлетворением увидел на тумбочке старомодный телефонный аппарат, наверняка помнивший еще времена Томаса Альвы Эдисона. Посадив обескураженного барона-оберста на кровать и приказав ему держать руки на спинке кресла, Евгений поднял телефонную трубку.

– Я не трону вас, барон, если вы будете благоразумны. Считайте, что я просто зашел позвонить. Да и взять у вас кое-что из еды на дорогу, поскольку магазины закрыты. Итак, барон, вы обещаете быть паинькой?

– У меня нет иного выбора, – прохрипел барон.

– Прекрасно! Как вызвать междугородную?

– Не хотите ли вы говорить с Москвой? – попытался усмехнуться барон, кривя в усмешке лиловые губы. Обвисшие, как у сенбернара, щеки все еще тряслись.

– Позен? Междугородная? – через две-три минуты негромко говорил в трубку Евгений. – Дайте мне рейхсканцелярию! Живо! Рейхсканцелярия? Прошу срочно соединить меня с фюрером! Это дело первостепенной государственной важности. Алло? Я не слышу – какой-то треск в мембране... Кто спрашивает? Представитель Красной армии. Откуда говорю? Из-под Берлина. Фамилия? Воинское звание? Это я скажу вашему фюреру. Кто пьяный? Сами вы алкоголик! Никто вас не разыгрывает. Акцент непохожий? Что?! Оставьте свои угрозы при себе... Неслыханная наглость? С кем я говорю? Какой адъютант?... Слушай ты, фашистская штабная крыса! Я поговорю с тобой особо, паразит, когда мы придем в Берлин, а сейчас давай-ка мне лично Адольфа Гитлера. Что?... Как я тебя назвал?... Па-ра-зит! Фюрера нет в Берлине? А где он? У, сбежал, гад?... Ты не обязан мне отвечать?... Алло! Передай своему фюреру, что представитель Красной армии предлагает ему немедленно капитулировать. И чтобы безоговорочно!.. И еще хочу спросить: заказал ли фюрер себе гроб? Пора, говорю!.. Наши уже ждут. Как говорил Шиллер: «Я знаю своих молодцов!» До встречи в Берлине!

Разведчик взглянул на барона, обрюзгшее лицо которого стало иссиня-багровым – вот-вот хватит апоплексический удар. Монокль барона давно выпал из глаза...

– Не забудьте уплатить за междугородный разговор. Мне, право, очень жаль, барон, что не удалось поговорить с фюрером, иначе я передал бы Адольфу привет от вас лично.

– Но ведь гестаповцы уже установили, что вы говорили по моему телефону!.. – сдавленно прохрипел барон.

– Не сомневаюсь в этом, – заулыбался Евгений, наматывая на кулак телефонный шнур. – Поэтому не смею задерживать вас. Надеюсь, вы извините меня за эти мелкие неприятности.

С этими словами он с силой дернул телефонный шнур, вырывая его из аппарата.

– Это для того, чтобы вы не спешили со своей реабилитацией, герр оберст. Я советую вам хорошенько продумать вариант защиты. Думаю, что сердитые господа из гестапо, учитывая близость Позена, приедут сюда не позже чем через час. Они наверняка спросят, куда я ушел. – Он аккуратно стер отпечатки пальцев с телефонной трубки. – Так скажите этим господам, что я иду по следу фюрера. За сим – ауфвидерзейн! Извинить за беспокойство не прошу. Согласитесь, барон, пока еще вы и ваши сыновья эсэсовцы причинили нам гораздо больше беспокойств, чем мы вам.

– Вы меня хотя бы связали, молодой человек...

– Простите, барон, образование не позволяет. Я по возможности избегаю грубого насилия. Ограничусь тем, что суну кляп вам в рот и запру вас в вашей спальне.

– С меня спросят гестаповцы...

– Разберутся. Это их призвание.

– Ох, вы не знаете гестапо.

– Ошибаетесь. Уж кто-кто, а я знаю гестапо слишком хорошо. Ваш «форд» на ходу?

– Я уже давно забыл, как пахнет бензин. Мне отказали в пайке. Не верите, можете заглянуть в гараж.

– Придется позаимствовать одну из ваших лошадей... Прощайте!

Дмитрий и Пупок немало удивились, когда Евгений прискакал в лес на чистокровном скакуне тракененокой породы, рослом кауром жеребце, с двумя альпинистскими рюкзаками, набитыми разной снедью. Сбросив рюкзаки к ногам остолбеневших друзей, он соскочил на заиндевелую землю.

– Прощай, дружок, – хлопнул он коня по теплой, чуть влажной шее. – Ты хоть и фриц, а парень хороший! Скачи домой, а то мои голодные приятели, чего доброго, вспомнят о вкусе вареной партизанской конины.

Он хлестнул коня баронским стеком, и тот, всхрапнув, понесся галопом по лесной заснеженной дороге.

Евгений вздохнул, глядя вслед коню:

– Это четвероногое будет спать в отличной теплой конюшне. А вот где мы, горемычные, преклоним голову, одному богу известно!

Димка и Пупок быстро рассовали окорока, консервы, хлеб по заплечным мешкам.

– Тебе, Женьк, видать, здорово повезло, – проговорил Димка, жуя колбасу. – Майн готт! Бутылка коньяку! Погоня будет?

– Будет, – уверенно ответил Евгений. – Главное, думаю, сделано. Отвлек противника ложными действиями. Группенфюрер Рейнефарт снимет свой эсэсовский отряд из Бялоблотского леса и перекинет его в Гронжин-ляс...

Евгений явно наслаждался произведенным эффектом.

– Еще как! В Берлине было слышно. Слава Эдисону! Все решила техника! Я всегда говорил, что в нашем деле вот это серое вещество, – он постучал по лбу, – важнее мускулов. Фантазия художника нужнее знания уставов!

И Евгений, смеясь, на ходу рассказал товарищам о том, что звонил фюреру.

– С этой идеей, ребята, я давно носился, – признался Евгений друзьям. – Она пришла мне в голову в первый же наш визит в немецкое поместье. А тут подходящая обстановка; шуметь надо, и чем громче, тем лучше. Я еще в партизанах подбил ребят послать личное письмо Гитлеру по почте из Брянска. Как только я увидел почтовый ящик с имперским гербом, так и загорелся желанием черкнуть пару строк Адольфу. Получилось похоже на письмо запорожских казаков турецкому султану. Смеху было!..

* * *

СС-группенфюрер Гейнц Рейнефарт действовал точно так, как и предположил Евгений Кульчицкий. Сняв батальон СС «Позен» и отряд по истреблению парашютных десантов из района Бялоблоты – Лендек, он перекинул его к Гронжинлясу, вызвал подкрепление из эсэсовского училища и гарнизона Позена и начал усиленно прочесывать все леса вокруг поместья герра оберста.

Самого барона фон Югенбурга гестаповцы арестовали и увезли в «черном вороне» в познаньскую цитадель, где его допрашивал лично шеф познаньского отдела «зихерхайт-динст» – СД. Разведгруппа Константа Домбровского вышла таким неожиданным образом из

безвыходного положения. Но сам Константин не пришел в восторг, услышав о новой проделке Евгения.

– Пижонский авантюризм! – ворчал он. – Звонить Гитлеру – надо же было додуматься! Воюешь по Дюма. Тоже мне д'Артаньян. Черт знает что! Сумасбродство какое-то!

Однако Константу пришлось признать, что именно «сумасбродству д'Артаньяна», направившему ищеек «гроссфандунга» по ложному следу, обязан он спасением своей группы.

В диверсионно-разведывательной части Евгений Кульчицкий слыл парнем гордым и высокомерным. Но Константин знал: это у Женьки напускное, от застенчивости. Потом он заметил, что Женька действительно стал высокомерен, но только с теми, кто незаслуженно ставил себя по опыту и отваге выше его или на одну доску с ним. В Женьке чрезвычайно сильно развился дух соревнования, вообще отличавший молодых зафронтовых разведчиков. Кроме того, в нем жило и обостренное чувство исключительности, тоже свойственное людям этой редкой профессии, которую они ставили превыше всех прочих военных специальностей: летчика или моряка, танкиста или артиллериста.

– Идя в разведку, – наставлял Константа еще в сорок первом командир диверсионно-разведывательной части, – не бери самого великолепного исполнителя, если он только и умеет, что исполнять чужие приказы. Не бери зубрилу, который назубок знает все уставы, но не видит дальше них. Не бери отличника строевой подготовки, умеющего только пыль поднимать – не на парад идешь. Не бери подхалима. Бери человека самостоятельного, независимого, инициативного, с фантазией. Такие ребята обычно самолюбивы, ершисты, с начальством не ладят, липовых авторитетов не признают, характер у них сложный, а о себе они самого хорошего мнения. Иначе они и не подумали бы идти в нашу отборную часть. Только неумный начальник, опасаясь за свое место, окружает себя посредственностями, льстецами, подхалимами, опасными карьеристами. Начальник деловой и толковый окружает себя людьми блестящих способностей, которые дополняют, а в случае необходимости всегда могут и заменить его.

Именно таким разведчиком и был Евгений Кульчицкий.

Группа «Феликс» вернулась в «братскую могилу», так и не обнаруженную немцами, а на следующий день опять разорвался в Бялоблотском лесу таинственный снаряд. Вечером Константин послал Центру подробную шифровку о загадочном взрыве. Когда радистка через сутки приняла и расшифровала ответную радиограмму от Директора, Константин пробежал ее глазами и молча протянул Евгению.

«„Феликсу“. Ваши сведения о взрыве ракет в Бялоблотском лесу очень интересны. Немедленно сообщайте о возможных новых взрывах, собирайте осколки, особенно с фирменными знаками и заводскими номерами. По-прежнему ждем от вас дополнительные данные о военной промышленности Вартегау и Силезии. Сосредоточьте внимание агентуры на ракетных заводах. Директор».

Констант и Евгений вышли из землянки, чтобы обсудить новый приказ. Над частоколом сосен мерцали звезды.

– Похоже, что немцы и впрямь тут бросаются ракетами, – заметил Евгений, глядя, как Константин поджигает трофейной австрийской зажигалкой листок с радиограммой Директора.

– Не думаю, что нам удастся выполнить этот приказ, – расстроенным тоном проговорил Константин. – Все наши помощники – крестьяне, а горожан рабочих почти нет.

– Устроим смычку города и деревни, – предложил Евгений. – Вон Тесть говорил, что у него два двоюродных брата в городе работают: один в Познани, на машиностроительном заводе, другой – в Бреслау. Найдется городская родня и у других наших поляков в Пыздрах, Лендеке, Яроцине.

– Да я расспрашивал Тестя об этих его братьях, Зигмунте и Мечиславе. Зигмунт работает на военном электротехническом заводе в Бреслау конторским служащим. Беда в том, что ему, видно, засорили мозги и он сочувствует реакционной Армии Крайовой. Крайовцы популярны

в городском подполье, у них довольно большие связи, они многое знают... но ведь ты помнишь этих гавриков по Восточной Польше: мечтают о панской Польше буржуев и помещиков, морочат народу голову, одинаково пугают его и немцами и русскими. Под Люблином они не только отказывались помогать нам, советским разведчикам и Армии Людовой, но даже часто вредили как могли: выдавали гестаповцам, нападали на наших из засады, убивали...

– Да, этим летом они троих моих друзей по спецшколе ночью под Парчевом зарезали. Есть среди рядовых крайовцев, конечно, и настоящие патриоты, только замороженные, оболваненные. А фашист он везде фашист: немец, итальянец, украинский националист-бандеровец, поляк, русский власовец...

– Так как же нам выполнить новое задание? Крайовцев не заставишь на себя работать... Они молятся на Лондон и уповают на свое эмигрантское правительство в Лондоне. Их так и называют «лондонскими поляками». Вот если бы ты был англичанином, они бы в лепешку расшиблись.

– Если бы я был англичанином?...

– Ну да! Тогда бы они все для тебя сделали.

– Костя! А что, если мне стать англичанином? Я убежден, что «аковцы» знают больше нас о «чудо-оружии»...

– Как это – стать англичанином?

– Ты же знаешь, отец у меня был дипломатом, я много лет жил и учился в Англии и Америке, знаю английский, как русский.

– Чепуха ерундейшая! Тоже мне мистер-твистер!

– Слушай! Ну почему не попробовать? По отношению к нашим британским союзникам это вполне лояльно. Английскому народу тоже выгодно, чтобы «лондонские поляки» не занимались междоусобной дракой, а боролись против бошей. А до этих интриганов в лондонском эмигрантском польском правительстве нам дела нет.

– Ну и фантазер же ты, Женька!

Евгений понимал, что ему трудно будет убедить Константа: тот любил такие операции, которые он мог наперед рассчитать с математической точностью, заранее все предусмотрев, взвесив все опасности, а тут уравнение с множеством неизвестных...

– Ты же сам говоришь, что у них большие связи, что они многое знают. Представлюсь им как английский разведчик, придумаю «легенду»...

– Такой маскарад закончится безымянной могилой.

– Я выдавал себя за полицаю, за власовца, а среди полицаев даже за немецкого оберлейтенанта, хотя не ахти как знаю немецкий язык. А за англичанина среди поляков я вполне сойду.

– По виду, пожалуй. И по языку, может быть... Но ведь ты уж сколько лет как не бывал в этой самой Англии! Вечно ты так: или голова в кустах, или грудь в крестах.

– Язык, на котором говорил с детства, никогда не забудется. Елки-палки! Ну что могло измениться в этой стране гнивающего капитализма? Костя, друг! Я уверен, что справлюсь. Я всю войну жалел, что не знаю в совершенстве немецкий...

– Брось ты это! Директор не разрешит...

– Разрешит, обязательно разрешит...

Почувствовав, несмотря на рассерженный тон, что оборона Константа слабеет, Евгений атаковал друга с новой силой. Сам он все пуще загорался своей смелой, может быть, чересчур смелой идеей, но именно такие небывало дерзкие приключения любил он больше всего.

Осторожный, осмотрительный, не любящий лишнего риска Константин Домбровский сдался только на следующий день. И еще через день пришло разрешение Центра со всеми необходимыми инструкциями Директора.

К этому времени Евгений успел уже хорошенько продумать свой план...

4. Скорпион жалит самого себя

«Дора» – это концлагерь, расположенный у самого подножия мрачной горы Конштайн, километрах в четырех от городка Нордхаузен.

«Дора» – это сто пятьдесят барачных основного концлагеря, через которые прошли сто двадцать тысяч рабов, говорящих почти на двух десятках языков.

«Дора» – это дьявольский гипноз страха, постоянный гнет несносной тоски, неотступная как тень близость смерти.

«Дора» – это сто двадцать тысяч «гехаймтрегер» – «носителей тайны».

«Дора» – это большая тюрьма и крематорий с двумя мощными печами.

«Дора» – это кладбище с полуметровым слоем пепла и обугленных человеческих костей. Тайна умерла с ними. Так думали гестаповцы.

«Дора» – это последнее, что видели десятки тысяч рабов рейха, прежде чем навсегда исчезнуть в потемках горы Конштайн.

Ночью, вскоре после отбоя, на крытых соломой нарах третьего яруса собрались подпольщики концлагеря «Дора Миттельбау». Вокруг незаметно разместились дозорные.

– Товарищи! – тихо начал Старшой. – Прежде всего почтим память наших казненных подпольщиков минутой молчания. Вставать не надо – негде. Помянем и сорок тысяч наших товарищей, которые уже погибли в подземном заводе...

Помолчав, чтобы переводчики успели перевести его слова немцам, французам, полякам, чехам, Старшой прочистил горло и снова заговорил:

– Друзья! Зверская расправа наци над нашими братьями ни у кого из нас не вызывает удивления. Чувствуя свой конец, фашисты окончательно теряют голову от страха и сатанеют. Доказательство тому – убийство дочери короля Италии Виктора Эммануила принцессы Мафальды, жены принца Филиппа Гессенского, в Бухенвальде. Это, конечно, акт мести за переход итальянского короля на сторону союзников... Еще одно сообщение. Не все, наверное, из вас знают, что комендант нашего лагеря Кох изобличен как вор эсэсовским трибуналом под председательством СС-группенфюрера принца Вальдека. Сначала его хотели послать в эсэсовский штрафной батальон на русском фронте, но Вальдек взял да расстрелял его. Возможно, Кох поплатился за наш саботаж. Возможно, это убийство призвано похоронить кое-какие тайны СС, этого черного ордена палачей. Как бы то ни было, скорпион жалит самого себя!

По нарам пробежал приглушенный взволнованный разноязыкий говор.

– Наши товарищи антифашисты умерли в «Доре» как герои, спасая сотни и сотни человеческих жизней. Мы отомстим за них. Но ракеты все еще взрываются в Англии и Бельгии, сея кровавый урожай. Тысячи убитых, десятки тысяч тяжело раненных... Помните: сегодня на этом адском предприятии работают две с половиной тысячи служащих, пять тысяч немецких рабочих, пятнадцать тысяч узников, и почти все узники хотят бороться с Гитлером. А мы? Что делаем мы? Фон Браун довел производство ракет до шестисот в месяц, но многие из них благодаря вашим усилиям, товарищи, никогда не долетят до цели. Это прекрасно, это равнозначно сражению, выигранному на фронте, но мы использовали еще не все возможности. Но, к сожалению, не во всех цехах сумели мы пока наладить саботаж. Еще плохо охвачены наши товарищи в соседних концлагерях «Эрлих» и «Гарцунг». Мы еще не охватили как следует новичков-остарбайтеров: татар, киргизов, евреев... Не все делаем мы, чтобы задержать производство этого оружия. Однако за последние несколько дней нам повезло: мы получили самую квалифицированную научно-техническую консультацию. Неоценимые сведения о конструкции и производстве ракет дал нам один немецкий товарищ. По понятным причинам я не стану называть его фамилию и номер, но скажу, что наше руководство сделает все, чтобы сохранить ему жизнь до прихода союзных войск. Благодаря немецкому другу у нас открыва-

ются совершенно новые возможности. Слушайте и запоминайте! Наш немецкий друг подсказал нам новые эффективные способы саботажа во всех системах ракеты. Ракета «Фау-2» – самый сложный механизм. В нем пятьдесят тысяч деталей. Пятьдесят тысяч возможностей для саботажа. Ракеты должны взрываться и падать «по неизвестным причинам» при запуске, из-за неполадок в системе включения, пожара в сопловой части, отказа электрогидравлической системы рулей, дефектов трубонасосного агрегата, выхода из строя интегратора ускорения и системы управления по радио. Самое больное место в гитлеровской программе «Фау-2» сейчас – это жидкий кислород. Без него ракеты не взлетят с земли. А немцы уже потеряли свои подземные заводы в Льеже и Саарской области, в Витрингене. Для заправки одной ракеты необходимо почти пять тонн. За счет естественного испарения жидкого кислорода немцы теряют почти половину его на пути от завода до ракеты. А наши «пленяги» работают и на кислородных заводах, обслуживают они и железнодорожные цистерны. Мы должны связаться с иностранными рабочими, с земляками всюду, где только можно. Надо изо всех наших сил ударить по этой ахиллесовой пяте гитлеровских ракетчиков!..

– Правильно! – поддержали Старшего из темноты. – Те, кто готовит новый побег, попадают, возможно, к партизанам. Так пусть они партизан нацелят на кислородные заводы, поезда с цистернами...

– В Польше, – продолжал Старшой, – партизаны уже уничтожили несколько пяти- и восьмитонных автоцистерн и целый эшелон сорокавосьмитонных цистерн с жидким кислородом. Посчитайте-ка, сколько ракет не взлетит! А если партизаны будут действовать не вслепую, а будут специально охотиться за ракетным горючим? Очень важно также всюду, где только можно, взрывать, сжигать спиртовые заводы – семидесятипроцентный свекловичный спирт тоже стал дефицитным в Третьей рейхе. Весь запас сахара и свеклы целиком пущен на производство спирта для ракет!

– Эх, если бы сообщить все эти данные нашим за фронт! – по-русски проговорил с тяжелым вздохом кто-то неразличимый в темноте. – Вот тогда бы можно было и партизан и авиацию нашу нацелить, и союзникам объекты указать!

– Мы делаем все для того, чтобы ускорить побег, – взял слово Седой. – Но многое, сами понимаете, зависит от случая. Необходимо использовать каждую щелочку, каждую возможность побега или отправки из концлагеря «Дора».

...Вернувшись в Берлин из ставки фюрера, рейхсминистр доктор Геббельс опубликовал в «Фолькише-беобахтер» следующее злое заявление: «Фюрер и я, склонившись над крупномасштабной картой Лондона, отметили квадраты с наиболее стоящими целями. В Лондоне на узком пространстве живет вдвое больше людей, чем в Берлине. Я знаю, что это значит... В Лондоне вот уже три с половиной года не было воздушных тревог. Представьте, какое это будет ужасное пробуждение!...»

Последний самолет-снаряд «Фау-1», запущенный с французской территории, упал на Англию 1 сентября 1944 года. Седьмого сентября английский министр Дункан Сэндис, зять Черчилля и известный специалист по ракетам, заявил, что войну против «Фау-1» можно считать оконченной. Увы, он поспешил: 8 сентября немцы запустили из Голландии первую ракету «Фау-2»...

...Едва бредут кацетники в лагерь после нескончаемо длинного рабочего дня, но Седой, старый немецкий коммунист, человек непреклонного упорства, идя в ногу со Старшим, тихо говорит:

– Доктор Гюнтер Лейтер может быть полезен нам: он работал у главного конструктора этих ракет – у самого фон Брауна. Постарайтесь сблизиться с ним. Он из нашего блока.

Вернер фон Браун! Старшой уже не раз видел этого надменного пруссака, сына экс-рейхсминистра, в цехах подземного завода. Лет тридцать с небольшим. Типично тевтонская внешность – высокий рост, светлые волосы, светло-голубые глаза как льдинки, крутой лоб в

одну линию с носом и массивным подбородком. Он появлялся то в штатском сером двубортном костюме, элегантном пальто и шляпе, то в форме штурмбаннführера СС с пожалованным ему Гитлером Рыцарским крестом с мечами в разрезе воротника. Его называли «ракетным бароном»...

– Я устрою вам с Лейтером место в углу. Если нужно, достану карандаш и бумагу. Записывайте все шифром. Шифр придумайте сами...

И вот вторую ночь подряд тихо разговаривают на нарах третьего яруса, в углу, Старшой – советский инженер и Лейтер – инженер-немец...

– Это великое изобретение со временем изменит судьбу человечества! – с жаром шептал немецкий ученый. – Еще более великое, чем колесо и винт, ибо ракеты откроют человеку дорогу в космос!

Старшой блеснул в полутьме глазами.

– И вы приписываете это изобретение Брауну? – возразил он запальчиво. – Да у нас еще народовец Николай Кибальчич... А Циолковский? Еще в 1903 году...

– ...он написал «Исследование мировых пространств реактивными приборами», – перебил Лейтер. – Знаю. Научно-технические достижения нашего ракетного института, – говорил тоном лектора доктор Гюнтер Лейтер, – совершенно напрасно приписывают одному Вернеру фон Брауну. Пожалуй, он самый честолюбивый и беспринципный из множества наших ученых, инженеров и техников, уже много лет занимающихся ракетами. И только. В Аугсбурге, центре нашего самолетостроения, мне однажды показали современный дизельный двигатель, равный по мощности чуть ли не всей коннице Чингисхана, по крайней мере почти десяти тысячам коням, рядом с первым мотором Рудольфа Дизеля. У Дизеля было множество соавторов. То же надо сказать о большинстве современных больших технических открытий. О вашем Циолковском мне рассказал еще наш главный теоретик, профессор Оберт, в двадцатых годах.

– Когда вы серьезно занялись ракетами?

– О полете к звездам люди мечтали во все века. Китайцы в незапамятные времена запускали пороховые ракеты. Космических прожекторов у нас, немцев, всегда хватало. Я еще в двадцать девятом чуть не взорвал себя пороховой «хлопушкой». Опель, наш Форд, пытался приспособить ракету к автомобилю, мечтал о ракетоплане. Всерьез мы приступили к работе над ракетами в тридцать втором году. Было это на полигоне Кюммерсдорфе, в двадцати пяти километрах от Берлина. Там впервые запустили мы ракету на жидком топливе. Помню, как взмыла она над елками и соснами, за которыми мы прятались. Наш первенец походил с виду на грушу и был сделан из серебристо-серого алюминия. Уже тогда мы пробовали разные смеси жидкого кислорода и семидесятипроцентного этилового спирта. Я работал тогда с инженером Риделем, великим ракетным энтузиастом. Кстати, подобно мне, он отказался от лестного предложения СС-рейхсфюрера нацепить эсэсовские руны и фуражку с мертвой головой. За это он поплатился не свободой, как я, а головой, попав в «таинственную» автомобильную катастрофу. Какая-то бешено мчавшаяся встречная машина пошла вдруг на таран, прямо в лоб на автомобиль Риделя. «Таинственная» машина умчалась в неизвестность, полиция почему-то прекратила следствие. Все кануло в гиммлеровский «мрак и туман»...

– Так вы говорите, что заправляли ракету жидким кислородом?...

– ...и этиловым спиртом. Ридель командовал запуском, а Браун поджигал смесь особой бензиновой зажигалкой на длинной ручке. Ему было тогда около двадцати, и все звали его Студентом... Помню, как он кичился тем, что Брауны стали богемскими баронами еще в конце семнадцатого века, владели замком, некогда принадлежавшим Тевтонскому рыцарскому ордену. Когда этот сынок рейхсминистра приезжает в подземный завод, я стараюсь не попасть ему на глаза. Впрочем, он никогда не смотрит людям в лицо. Зато старшим по званию этот великогерманский барон умеет нравиться. К нашему шефу – генералу Дорнбергеру, этот сынок министра и члена правления Рейхсбанка, сразу вошел в доверие.

Надо сказать, что он с огромной энергией восполнял пробелы в своем образовании. Как губка, впитывал каждое слово Риделя. Уже тогда мне казалось, что к своим звездам он пройдет, если надо, по трупам. Он, безусловно, причастен к аресту своего учителя – ракетчика Рудольфа Небеля, которого упрятали в концлагерь за связь с евреем Эйнштейном... В СС он вступил еще в тридцать третьем. Везло ему поразительно; он всегда каким-то чудом уходил от опасности. Раз доктор Вамке и двое его помощников взорвались, испытывая смесь перекиси водорода и спирта. Но Брауна и не поцарапало...

– Когда вы начали работать над «Фау-2»?

– Название «Фау-2» – это выдумка доктора Геббельса. «Фау» – первая буква слова «Фергелтунгсваффе»...

«Оружие возмездия», – мысленно перевел Старшой.

– А цифра 2 привязывает наши ракеты к самолетам-снарядам «Фау-1», к которым наш институт не имел никакого отношения. Мы же называли наши управляемые на расстоянии баллистические жидкостные ракеты «агрегатами» – от «А-1» до «А-4». Последний из них и называли «Фау-2» наши пропагандисты.

– Но мы отклоняемся!.. – нетерпеливо произнес Старшой.

– Когда Гитлер пришел к власти, – продолжал доктор Лейтер, – я сразу почувствовал, что новое правительство поддержит работу над ракетами. Только об этом я тогда и думал и радовался новому размаху. И со мной трагически радовались даже мои знакомые евреи – инженеры и ученые нашей военно-инженерной службы, такие же слепцы, как и я. Мы не замечали зверств Гитлера в Германии, не сознавали, что куем этому ироду страшное оружие. Увы, мы жили только нашей работой, как живет одной работой осел, с завязанными глазами крутящий мельницу. А дела у нас шли неплохо. Уже в конце тридцать четвертого мы запустили с острова в Северном море две первые «А-2» на высоту около двух километров. Генерал Вернер фон Фрич, тогдашний командующий сухопутными войсками, стал нашим патроном. Но в тридцать восьмом Гиммлер и Гейдрих разыграли новый акт в драматической борьбе за контроль над вооруженными силами: они добились смещения Фрича, ложно обвинив генерала в противостественной симпатии к юношам. Нового патрона мы нашли в лице генерала Кессельринга, шефа самолетостроения, подполковника фон Рихтгофена, племянника первого аса кайзера барона фон Рихтгофена. Эти влиятельные покровители и обеспечили строительство ракетно-испытательной базы в Пенемюнде. Место для базы подобрал Браун. Из соображений секретности Браун и выбрал почти необитаемый мыс острова Узедом, где бродили в лесах померанские олени да плескались в лесных озерах дикие лебеди. В тридцать шестом году мы построили базу, провели к ней ветку железной дороги. Боюсь, что гестапо прочесало все деревни в округе и бросило за решетку неблагонадежных. Но об этом я тогда не думал...

...Через три дня, шагая со Старшим в строю по дороге на подземный завод, Седой взволнованно прошептал:

– По решению нашего комитета вы и еще одиннадцать подпольщиков сегодня же уедете из «Доры»! Фон Браун срочно отправляет партию ракет в Пенемюнде. С эшелонам поедет команда кацетников для использования их на этой ракетной базе. С помощью блокшрайбера, писаря-поляка, нам удалось просунуть в эту команду двенадцать наших людей... Действуйте смотря по обстоятельствам!.. Прежде всего постарайтесь связаться с организованным подпольем, если оно имеется у них там, а нет – с надежными людьми. Мир должен знать тайну «Доры» и Нордхаузена. Люди должны знать о преступлениях Брауна и его банды. Тогда и умереть можно спокойно...

5. Полет Икара

Вот уже два месяца жил человек № 15654, в прошлом капитан Владлен Новиков, заместитель флагштурмана гвардейской истребительной дивизии, а ныне член подпольного комитета концлагеря, одной-единственной надеждой. И с каждым днем все больше таяла эта надежда. Таяла вместе с силами человека № 15654. А кроме него, никто из подпольщиков не мог привести в исполнение дерзкий план, предложенный самим Новиковым. По утрам он просыпался со страхом: не слишком ли он ослаб за ночь, не заболел ли? Если бы речь шла о спасении только его жизни, он бы уже, наверное, давно отказался от своего плана. Но как он мог подвести товарищей по подполью, которые вот уже три недели, подкармливая его, отрезали кусочки от своих хлебных паек!

В то утро, 6 ноября 1944 года, человеку под номером 15654 на редкость повезло. Сразу после скудного завтрака на рассвете – эрзац-кофе и пайка формового армейского хлеба – всю команду посадили на огромный тупоносый «бюссинг» и повезли на северо-запад по бетонке, проложенной вдоль тупиковой железнодорожной ветки в сосновом бору. Новиков уже давно знал, что к юго-востоку тянется «малоинтересная» половина острова и запретной зоны Пенемюнде с деревнями Зиновииц и Кемпин, паромом у Вольгаста, подковообразными дюнами и согнутыми ветром соснами. Но сразу за кирпичными казармами у деревни Трассенхайде началась «интересная» часть зоны.

Сегодня Новикову не нужно было тратить силы на восьмикилометровый пеший поход от барака к аэродрому. Сегодня его везли за казенный, немецкий счет. И потому он устроился в углу у заднего борта и крутил головой, примечая все, что можно приметить. На первый взгляд кругом видны только развалины, но Новиков знает: в этих развалинах, оставленных после бомбежек ради маскировки, вовсю кипит работа. Почти рядом с поселком Трассенхайде и городком строителей стояли казармы. В казармах по-прежнему полно войск, около четырех тысяч солдат. Дальше – шлагбаумы эсэсовского контрольно-пропускного пункта, беспрепятственно пропускающего сначала трехосный «мейллерваген» – ракетный транспортер, а за ними – грузовик с «хефтлингами» в полосатых арестантских костюмах. За бараками Карлсхагена тянется военный городок с закамуфлированными корпусами производственных мастерских сектора «Пенемюнде-Зюд». В полутора-двух километрах к западу от этих корпусов, словно в научно-фантастическом фильме по роману Герберта Уэллса, возвышаются оливково-зеленые обелиски высотой почти в пятнадцать метров. Но если посмотришь внимательнее, то увидишь, что это вовсе не обелиски, а чудовищные остроконечные цилиндры – сверхмощные ракеты. Новиков знает: из-за этих секретных «obeliskov» все военнопленные в «мертвой зоне» Пенемюнде обречены на уничтожение, все они смертники. И смерть их тем ближе, чем ближе к границам Германии союзные войска, несущие освобождение другим узникам неметчины.

Неподалеку от частокола зеленых ракет, издали похожих на огромные сталагмиты, тянется длинный голубой корпус кислородного завода. За ним виднеются островерхие черепичные крыши деревни Пенемюнде с высоким шпилем кирхи.

Еще полтора километра, и «бюссинг», ревя дизелем, въезжает в сектор производственно-сборочных мастерских «Пенемюнде-Ост», мрачно окрашенных камуфляжной краской. Сразу же за железнодорожным тупиком справа высятся зеленые вышки обслуживания экспериментальных стендовых ракет, а за ними – на северном мысе острова – площадки, или столы, для запуска «Фау-2». Слева на фоне шеститрубной электростанции простирается аэродром, оборудованный по последнему слову техники, со взлетно-посадочными и рулежными дорожками, приземистыми ангарами и остекленной вышкой управления полетами. По краям рабочей площадки аэродрома, словно на параде, стоят бомбардировщики «Хейнкель-111», одномоторные истребители «Мессершмитт-109» и двухмоторные «Мессершмитт-110».

Новиков, затаив дыхание, бросил взгляд на ближайшую рулежную дорожку: так и есть, почти к краю взлетно-посадочной полосы уже вырулил заветный одноместный «Мессершмитт-109» со знаками «5K+CM». Только вместо плюса – черный крест с желтыми обводами на клепаном алюминии узкого фюзеляжа. Новиков знал, что на этом истребителе-перехватчике за пять-десять минут до запуска баллистической ракеты «Фау-2» всегда взлетает СС-гауптштурмфюрер доктор Штейнер, чтобы проследить в воздухе на разных высотах за полетом ракеты. Штейнер – один из ближайших помощников Вернера фон Брауна, главного конструктора сверхсекретного Пенемюндского ракетно-исследовательского института.

Новиков придиричиво оглядел небо: запуски ракет в Пенемюнде производились только в летную погоду. Сквозь высокие облака, быстро плывшие через Померанскую бухту, все ярче проглядывало солнце. В поднебесье, отключив реактивный двигатель, со свистом описывал мертвую петлю новейший самолет люфтваффе – «Me-262», названный немцами «королем истребителей». Владлен снова глянул в сторону «стодевятки» со знаками «5K + CM», с черно-желтой свастикой на вертикальном стабилизаторе. Мотор «стодевятки» уже расчехлен, а плексигласовый фонарь как будто пуст... Успех дерзновенного плана зависел от множества неизвестных величин. И первая из них – успеет ли Новиков занять вовремя исходное положение. Весь расчет на пунктуальность аккуратистов немцев. Какая жалость, что у самого Новикова нет часов! Подпольщики уже было договорились с фрицем-охранником сменять золотую коронку на паршивенький штампованный «цилиндр», но фриц обманул: коронку прикарманил, а вместо часов ткнул «меняле» кованым прикладом в зубы.

Новиков переглядывается с друзьями-подпольщиками, пытается ободряюще улыбнуться им, но пересохшие от волнения губы прыгают, улыбки не получается. Старшой – седой инженер-подполковник, руководитель двенадцати, человек № 9919, прошедший сквозь ад пяти лагерей смерти, – отвечает спокойным, уверенным взглядом. И спокойствие и уверенность деланные, из последних сил вымученные. Старшой один из двенадцати побывал на секретном авиазаводе «Дора» в Южном Гарце, там, где немцы производили основные части ракет «Фау-2», он многое увидел и запомнил в туннеле, вырубленном в неприступной с воздуха каменной горе, в мрачном чреве которой, как в каком-то жутком фантастическом романе, трудились во славу фон Брауна и Третьего рейха безымянные морлоки в полосатой одежде.

Новиков привычным жестом ощупал подшитые к изнанке брюк тонкие листки бумаги, вместившие многие сведения о «Доре» и о Пенемюнде. Старшой сам изложил важнейшие тайны фон Брауна на бумажных салфетках, украденных в офицерском казино. Салфетки мягкие, не прощупываются на ощупь.

«Бюссинг» остановился резко как вкопанный, словно водитель-немец желал подчеркнуть этим свое презрение к полосатым «хефтлинкам» и полное свое нежелание церемониться с этими «доходягами».

Новикову везет: баулейтер – начальник работ – приказывает аэродромной команде засыпать воронки на взлетной полосе, воронки после вчерашней бомбежки. Немцы в Пенемюнде, судя по всем признакам, готовятся к запуску очередной гигантской ракеты. Еще из кузова «бюссинга» Новиков видел суетившихся техников с цейсовскими биноклями, наблюдателей с десятикратными перископами и стереотрубами, кинооператоров, инженеров фирмы «Симменс и Шуккерт», ракетчиков, электриков, телефонистов и радистов, пожарников и санитаров. По веренице черных «мерседесов» видно было, что прибыло какое-то важное начальство: фары у машин желтые, номера двух- и трехцифрные!.. Десятки, сотни разномундирных офицеров в белых халатах толпились на крышах всех зданий вокруг. Мощные динамики выкрикивали гортанные команды.

Столько недель мучительного ожидания, целых два месяца подготовки, истрепавшей нервы, а теперь все должно свершиться за считанные минуты.

Гауптштурмфюрер Штейнер со всегдашней точностью подъехал на своем черном «опель-капитане» к рулежной дорожке и жестом отпустил водителя-эсэсмана. Как всегда, он был в шлеме, летном комбинезоне из коричневой кожи, как всегда, точно размеренным шагом зашагал по бетону рулежной дорожки, затем, тоже как всегда, круто повернул направо, сошел с рулежной дорожки, направляясь к небольшому бетонному строению с надписью «Нюр фюр Официрен» – «Только для офицеров».

В эту минуту решалось все. Старшой и трое других подпольщиков затеяли драку, отвлекая внимание конвоира. Новиков пошел с лопатой к офицерской уборной.

Никто на аэродроме не заметил, как он проскользнул в уборную и прикрыл за собой дверь. Никто не услышал звука от удара лопатой по голове гауптштурмфюрера. Минут через пять, а может, и меньше, из уборной вышел человек в летном комбинезоне. Лицо его наполовину скрывали очки летного шлемофона. На боку поблескивал лакированный планшет. Пожалуй, только Старшой и его товарищи видели, как Новиков сделал шагов десять и вдруг остановился, повернулся и вновь зашагал в уборную. Старшой и его друзья-подпольщики переглянулись в недоумении, растерянности и страхе. Что случилось? Почему Новиков вернулся, рискуя обратить на себя внимание, теряя драгоценные минуты?

Впопыхах сбросив полосатые штаны, Новиков забыл в них пакет со сведениями. Спohва-тившись, он в первое мгновение не захотел возвращаться: главное, спастись самому! Но нет, он вернулся, потому что не спасение было главным для него, для двенадцати.

Сунув мягкий пакет в карман комбинезона и запихав полосатую форму в угол за урну, Новиков вышел из уборной, зашагал деревянной походкой к стоянке самолета Штейнера. Он не старался подражать Штейнеру: просто ботинки Штейнера оказались на два-три размера меньше размера ног Новикова. Этого никто не предусмотрел...

Второй этап: взлет. Надо проследить, чтобы никто не помешал. Новиков сам выбил колодки из-под колес шасси, подставил стремянку, приподнял плексигласовый фонарь... И вот он в кабине. Сон? Нет, это не сон! Вон незнакомые немецкие таблички на полукруглом приборном щитке! Но сами приборы, рычажки и разноцветные кнопки в общем знакомы. Он изучал их год назад по плакатам и схеме. Последние два месяца он восстановил схему приборного щитка и инструкцию по памяти. А вдруг этот «мессер» не простой, а модернизированный, с разными изменениями и усовершенствованиями?...

Словно по клавишам рояля, пробежал он огрубевшими в лагере пальцами по приборному щитку. Как будто все в порядке: прогретый мотор включился сразу, как только он нажал на стартер, стрелки контрольных приборов показывают, что самолет заправлен топливом и смазкой. Вот оно когда пригодилось – знание боевой техники врага!.. Но одно дело – расположение приборов и арматуры, другое – пилотирование...

Сердце стучало со скоростью скорострельного пулемета. Как и мотор, сердце работало на максимальных оборотах. Трехлопастный винт превратился в мерцающий диск с радужным полунимбом над носом самолета. Отпустить сразу тормоза, дать газ... Боковым зрением Новиков видел, как бегут, мельтешат какие-то серые фигурки, но ему было не до них... По-бычьи наклонив нос, «мессер» вырвался на взлетную полосу, помчался, набирая скорость, задрав навстречу ветру хвостовое оперение, едва не скапотировал... Чтобы ускорить взлет, надо поставить крылышки под углом в 15 градусов. Теперь темные смазанные фигурки побежали обратно, пропадали, словно их сдувало ветром. Вцепившиеся в штурвал и секторы газа руки Новикова побелели от напряжения.

Вот, капитан Новиков, твой сто семьдесят первый боевой вылет! Раз-два-три – с треском подскочила машина, падая на колеса шасси, чуть не цепляя землю концами крыльев. Скорость – 150 километров в час. Полный газ! Нос приподнялся... 170 километров... Самолет послушно и легко, как в сказке, отделился от земли... 200 километров в час... Новиков всем своим существом почувствовал, что оторвался от земли, что летит!..

Внизу промелькнули седые дюны, пляж, вылизанный пенистым прибоем, протянулась свинцовая морская гладь с белыми барашками. На глаза набежали слезы. Новиков еще раз нащупал пакет в кармане. А потом, действуя согласно разработанному со Старшим плану, заложил резкий вираж в облаках и лег на обратный курс. Серая пелена словно ватой обложила стекла кабины.

Старшой так рассудил: «За тобой, Владлен, погонятся, решат, что ты в нейтральную Швецию махнул, ведь до Швеции, до Мальмо, всего ничего – каких-нибудь сто тридцать километров, а ты дуй сразу обратно и держи курс на восток или еще лучше на юго-восток, чтобы через Восточную Пруссию не лететь. В Швеции, сам понимаешь, еще неизвестно, в чьи руки наши сведения о „фау“ попадут. До наших, правда, с этого чертова острова куда дальше – километров так с полтысячи...»

И Новиков, отказавшись от сравнительно легкого перелета в Швецию, полетел по заранее избранному курсу Свинемюнде – Штеттин – Шнайдемюль – Варшава...

Он все еще пел что-то, ликуя и плача, когда справа по борту его «мессера», там, где едва виднелся в прорехе густого облака красный каменный собор в Вольгасте, вдруг ослепительно засияло и вверх взмыла громада размером с башню собора... Совсем забыл Новиков, что в ту самую минуту, когда он пел в воздухе, внизу немцы готовились запустить ракету.

Стоя на крыше железобетонного наблюдательного пункта, генерал Вальтер Дорнбергер подал команду, и группа канониров начала обратный минутный отсчет, передававшийся по громкоговорящей связи.

«Икс минус драй... Икс минус цвай... Икс минус айн!..»

Генерал Дорнбергер стоял рядом с главным инженером-конструктором Вернером фон Брауном. Два года назад, в октябре 1942 года, они были свидетелями запуска первых ракет «Фау-2», которые тогда назывались «А-4». Десять лет в обстановке чрезвычайной секретности готовил «мозговой трест» ученых Третьего рейха это грозное оружие.

Дугой взвилась дымно-зеленая сигнальная ракета: до запуска осталось десять секунд. На ракетенфлюг-плац все готово...

– Подать напряжение на борт!.. Ключ на пуск!.. Пуск!.. Малая ступень!.. Главная ступень!..

В бункере оператор нажимает на черную кнопку посреди приборного пульта. Из-под четырех «плавников» стабилизатора ракеты вырывается облако дыма, затем дождь огненных искр, и вот в бетонную площадку под ракетой ударяет мощный смерч раскаленного багрово-желтого газа. В воздух летят обрывки каких-то проводов, куски дерна. Медленно, натужно поднимается многометровая громада весом в двенадцать с половиной тонн. Ее огненное чрево пожирает 125 литров спирта и кислорода в секунду. Из дыма, слепящего пламени и пыли взвивается она по вертикали в поднебесье. Раскат грома прокатывается над островом и замирает над Балтийским морем. На крыльях шестисот пятидесяти тысяч лошадиных сил умчалась ракета в небо, унося за собой огненный хвост.

Она-то и пронеслась ревушим метеором мимо Новикова, отшвырнув «мессер» воздушной волной... Где-то там, на немыслимой высоте в сотню километров, – это знал Новиков – автоматически управляемая ракета выйдет за пределы земной атмосферы и, развив неслыханную скорость в 4500 километров в час, пролетит почти двести километров, а потом, сбавив свою сумасшедшую скорость, ударит о землю с силой, равной силе удара о каменную стену полусотни стотонных локомотивов, несущихся со скоростью девяносто километров в час.

Вот уже второй год взлетали эти ракеты из Пенемюнде, падая в море или в заповедный лес. Сначала это были экспериментальные ракеты, а теперь уже второй месяц гитлеровские ракетные войска бомбардируют ракетами «Фау-2» Лондон и Южную Англию.

Новиков напряженно приглядывается к рычагам управления и приборам – в первый раз пилотирует он «мессер», хотя впервые побывал он в кабине «мессера» целых семь лет назад,

в 1937 году, под Малагой. Это был первый сбитый им самолет, и сбил он его в небе Испании. Эх, если бы тогда провел он больше времени в кабине «мессера»! Куда увереннее чувствовал бы он себя сейчас. Хотя тот «мессер» был из гитлеровского воздушного легиона «Кондор» – «Me-109В», а этот – «Me-109Е», что означает, что машина уже трижды модернизировалась.

Самолет то заваливается, задирая нос, то скользит с крыла на крыло. Крупные градины пота выступают на широком лбу Новикова с глубокой поперечной морщиной, все сильнее, будто в лихорадке, дрожат исхудавшие в плену, ослабевшие руки.

Спокойно, Владлен, спокойно! В каких только переделках не бывал ты! Правда, в таких вот не бывал...

Справа, в прогалине среди клубящихся облаков, пролетело на север звено «Me-110». Еще ближе, почти встречным курсом, пронесся «дорнье» с эскортом из двух «фокке-вульфов». Немецкие легчики не обратили никакого внимания на «стодевятку». Значит, приняли за своего; значит, снизу еще не объявили тревогу по радио, не приказали перехватить угнанный Новиковым самолет, хотя уже наверняка обнаружили, что связи со Штейнером нет... Один «фокке-вульф» даже приветственно помахал Новикову крыльями с черными крестами люфтваффе. Облегченно переведя дух, Новиков смахнул пот со лба, вновь устался на приборы. Он даже усмехнулся краем рта: ну выручай, профессор Вилли Мессершмитт!

Ровно, басовито гудел мотор «драймлер-бенц» мощностью в одну тысячу сто лошадиных сил. Высотомер показывал три тысячи метров. Скорость почти максимальная – около пятисот километров в час.

Снова справа по борту промелькнула хищная тень «Фокке-вульфа-190». Пожалуй, здесь пролегает трасса... Новиков стал осторожно снижаться, ложась на левое крыло. Из темно-зеленого крыла торчит дуло пушки, но Новиков знает: если дойдет до боя, он не сможет отбиться. Во-первых, ему не известно, заряжены ли две 20-миллиметровые пушки, установленные на крыльях, и два пулемета, а во-вторых, он не умеет стрелять из них.

Он еще раз нащупал тоненькую пачку бумаги в кармане комбинезона. Пакет с важными сведениями о секретных ракетах «Фау-2». Сведениями, по крупице собранными группой пенемюндских подпольщиков – русскими, поляками, чехами. И этим замечательным человеком – Старшим.

– Не забудь, Владлен, прихватить планшет Штейнера, – инструктировал его прошлой ночью Старшой. – В нем могут оказаться ценные документы. Да и полетная карта тебе пригодится!

Что в планшете Штейнера? Новиков быстро положил планшет на колени, отстегнул никелированные кнопки. Полетная карта, но карта не простая: на ней помечены секретные объекты Пенемюнде! А это что за тетрадь? Бортжурнал! Бортжурнал Штейнера, до половины исписанный аккуратным почерком. Даты, даты... Август 1944-го, сентябрь, октябрь... Какие-то математические расчеты, формулы, колонки цифр, траектории, параболы... Не иначе как данные об испытании ракет!.. Интересно, очнулся уже или нет автор этих записей, гауптштурмфюрер СС Штейнер?

Новиков застегнул планшет. Да, благодаря Старшому, благодаря подпольщикам он летит из плена на Родину не с пустыми руками! Он приземлится где-нибудь за линией фронта, обнимет русских парней и скажет: «Примите, братья, боевой привет от подпольщиков из лагерей смерти, а также секретные гитлеровские документы и в придачу этот новейший „мессер“!.. Улыбка, тронувшая уголки губ, исчезла: Новиков вернулся мысленно к Старшому и другим друзьям-подпольщикам. Многие из них будут повешены, замучены гестаповцами, просто расстреляны за его угон «мессера». Остальные тоже обречены на смерть. Увидится ли он хоть с кем-нибудь из друзей, которых он обрел в аду?

С трудом отрываясь от этих горьких мыслей, он заставил себя вновь повторить основную информацию о ракете «Фау-2», которую он по требованию Старшого и подпольного комитета

давно на всякий случай выучил наизусть: «Длина 12 метров, стартовый вес 12,6 тонны. Стальная боеголовка со взрывчаткой – одна тонна, горючее – этиловый спирт и кислород – 8,9 тонны. Максимальная (сверхзвуковая) скорость до 1600 метров в секунду, потолок 100 километров, дальность полета около 330 километров. Показатели экспериментальных образцов еще более высокие. Мощность двигателя до 650 777 лошадиных сил. Скорость полета у цели вследствие сопротивления воздуха снижается до тысячи метров в секунду...»

До линии фронта осталось совсем немного, всего каких-нибудь двести пятьдесят-триста километров, минут сорок лета. Только бы передать документы. Тогда не зря старались подпольщики.

6. Из записей Старшего

«Сначала, – продолжал Лейтер, – запускали пробные ракеты с островка Грейфсвальде Ойе недалеко от Пенемюнде. Ракеты туда привозили на специальном пароме в огромных длинных темно-серых ящиках, похожих на гробы сказочных великанов. На те первые запуски нас собиралось около ста двадцати ученых и инженеров в белых халатах. Фон Браун ходил по островку с охотничьей двустволкой, постреливал фазанов, уток и зайцев и, видимо, мечтал о том времени, когда он сам станет одним из „золотых фазанов“, то есть приобщится к генеральской элите.

– Были ли у вас уже тогда на ракете приборы, управляемые по радио с земли? – спросил Старшой.

– Да, на ракетах „А-2“ мы устанавливали радиоаппаратуру, которая по сигналу с земли отключала топливный отсек и распускала тормозной парашют. Радио играло все большую роль в управлении ракетой. Помню, фон Браун, считавший, что мы лидируем в этой области, был потрясен, когда узнал, что русские применили в Харькове в ноябре сорок первого года управляемую по радио мину, причем ею был убит немецкий комендант и начальник гарнизона Харькова генерал Браун, кажется, его родственник из северо-пруссских Браунов. А первый шок фон Браун испытал еще в июле сорок первого, когда нам сообщили, что „уничтоженная“ армия „отсталой и невежественной“ России 14 июля под Смоленском применила батарею реактивных минометов. Это были первые в мире ракетчики. Вермахт получил приказ во что бы то ни стало захватить „катюшу“, но ваши ракетчики взрывались, а не сдавались... Наш абвер никак не мог заполучить у вас секреты ваших ракетостроителей, хотя мы знали, что и у вас строятся и испытываются ракеты...

Дорнбергер поставил нам задачу – вдвое перекрыть такие рекорды артиллерии: 600-миллиметровый „Карл“ конструкции генерала Карла Беккера – мы использовали этого левиафана в обстреле Брест-Литовска, Севастополя и Сталинграда – выстреливал снаряд весом в две с половиной тонны на расстояние до пяти километров; „Большая Берта“ или знаменитая „Парижская пушка“ – крупновская мортира времен Первой мировой войны, выстреливала снаряд полегче – калибра 420 миллиметров – на сто двадцать километров. Наши ракеты должны были стать вдвое дальнбойнее сверхдальнбойной артиллерии, всех этих „Больших Берт“, „Толстых Густавов“ и „Длинных Максов“, причем мы стремились, чтобы они были менее громоздкими, более маневренными, меткими и поднимали целую тонну взрывчатки. Строительство самой современной сверхзвуковой аэродинамической трубы ускорило нашу работу.

– Какие фирмы и заводы поставляли вам оборудование?

– В основном завод в Пенемюнде, авиационный завод „Граф Цеппелин“ во Фридрихсгафене и „Раксверке“ в Винер-Нейштадте, затем „Хельмут Вальтер“, в Киле, заводы Круппа, разумеется, ну и позднее наша „Дора“, конечно... После приезда к нам Гитлера число заводов увеличилось, дошло до восьмисот...»

7. Железный крест за собственный «мессер»

В эфире в тот час, пожалуй, ни один голос не звучал так взволнованно, почти истерично, как голос генерала, командующего авиабазой люфтваффе в Пенемюнде:

– Викинг Первый, Викинг Первый! Я Гроссмейстер, я Гроссмейстер! Видите ли вы самолет Штейнера? Где же он, черт вас возьми! На экране локатора вы почти рядом... Викинг Первый! Я обещаю вам «дубовые листья» к вашему Рыцарскому кресту, если вы заставите сесть этот «мессер» Штейнера или собьете его! Видите ли вы его, наконец?! Ваши точки почти сливаются. Сбавьте скорость!..

– Пока не вижу, но видимость улучшается...

– До фронта остается совсем немного. Если вы дадите ему уйти, я сорву ваши погоны, отправлю вас на фронт в штрафную роту. Слышите вы? Видите вы его?... Видите?... Викинг Первый, Викинг Первый!..

Стрелка компаса показывала строго на юго-восток. Позади остались города Штеттин, Штаргард, Шнайдемюль. Не слишком ли он забрался к западу, чтобы обмануть преследователей? Наверное, там за облаками справа по борту раскинулась Познань. На немецкой карте – Позен. Не пора ли ложиться на восточный курс, чтобы перелететь через Вислу, через фронт, южнее Варшавы?

В эту минуту и появился слева реактивный «мессер». Новиков узнал его по фюзеляжу с вытянутым, носом и по пламени, вырывавшемуся из сопла реактивного двигателя. «Ме-262» вынырнул из-за жидкого облака и, словно идя на таран, ракетой пронесся мимо раз-другой, сверху, снизу. Затем пилот реактивного «мессера» поравнялся с Новиковым и стал делать в фонаре какие-то энергичные знаки большим пальцем вниз. Видно, приказывал идти на посадку. Потом он погрозил Новикову кулаком, и Новиков понял: «Аллее капут!» Сделал бочку, полубочку, пошел в пике, стараясь укрыться в облаке. Он падал так быстро, что от головы отхлынула кровь, но он не мог уйти от реактивного «мессера». Этот «Ме-262» почти вдвое превосходил в скорости его «Ме-ГО9», развивая до тысячи километров в час!..

Немец сделал крутой разворот, чтобы атаковать Новикова на встречном курсе. Перед глазами мелькнуло желтое клепаное брюхо «мессера». В плексигласовом фонаре «мессера» в одно мгновение появился ряд лучистых дырок. Из другого пулемета немец прострочил ему консоль. Сразу же громче, слышнее ворвался в кабину рев мотора. Со всех сторон самолет окутало облаком. Бешено крутилась стрелка альтиметра. Самолет быстро терял высоту, падая словно камень. Новиков резко отвел на себя ручку управления – самолет продолжал падать. Только тут ощутил Новиков тупую тяжесть в груди и левом плече. Левый глаз заплаыл теплой кровью. Ноги напряглись в ожидании удара о землю. Но нет, до земли еще далеко... Считанные секунды оставались в его распоряжении. Ведь земля мчалась навстречу со скоростью почти полутысячи километров в час!

Спокойно, Владлен, спокойно! А то гробанешься, как рояль с крыши небоскреба!..

К запаху гидравлического масла прибавился удушливый запах дыма. Что-то горело. Наверно, ударил зажигательными, гад!..

Внизу он увидел землю – косо вздыбившийся темно-зеленый массив большого хвойного леса, крест-накрест изрезанный прямыми как стрелы просеками. Теперь главное – убрать скорость, выбрать место для вынужденной посадки.

Он не видел, как приземлился самолет, кое-как посаженный им на широкую просеку. «Мессер» срубил, точно топором, несколько сосенок, лишился крыльев и, сломав шасси, ударился о землю, заскользил, запрыгал по земле и, наконец, остановился, высоко задрав хвост. Не видел, как его противник дважды прокружил над ним и с торжествующим воем улетел на северо-запад, обратно в Пенемюнде.

Это видели две группы польских партизан. Одна из них, направлявшаяся на восток, проследив за ходом воздушного боя, возобновила путь. Командир ее группы поручник Казубский в недоумении проговорил:

– Первый раз вижу, чтобы фриц фрица сбивал! Просто загадка! Ну что ж, одним гитлеровским асом меньше, собаке собачья смерть!

Его заместитель, Богумил Исаевич, одетый в форму подпоручника, с польским орлом без короны на полевой конфедератке, повернулся к командиру:

– Может, пойдем посмотрим? Это недалеко отсюда...

– Напрасные хлопоты! От этого «мессера» одни обломки остались. Другое дело, кабы русский был... Пошли!..

На конфедератках и пилотках партизан этой группы был нашит зеленый треугольник с белыми буквами «АЛ» – «Армия Людова». Вооружены они были советскими и трофейными немецкими автоматами.

Другая польская группа, направлявшаяся на запад, – она в предрассветный час пересекла лесную дорогу, где стоял столб с надписью «Рейхсгренце» – «Граница рейха», вскоре вышла к просеке, на которой дымил упавший самолет с черным крестом на фюзеляже и свастикой на задранном кверху хвосте. Командир группы, майор Армии Крайовой, приказал своему заместителю, капитану, посмотреть, жив ли пилот. Когда капитан вытащил Новикова из самолета, раненый летчик застонал, открыл глаза, увидел над собой человека в четырехугольной конфедератке с четырьмя звездочками.

– Поляки? – спросил он слабым голосом по-русски. – Партизаны? Значит, не зря! Не зря!.. Возьмите... у меня... важные документы... Переправьте нашим за фронт. Это очень важно... Пенемюнде... «Фау-2»...

Капитан достал документы из кармана простреленного комбинезона. Залитые кровью записи на русском, немецком языках, чертежи ракет... Быстро взглянул на боржурнал в планшете.

К капитану подошел майор с английским «стеной» на груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.